

«Почему они это делали? Почему со мной?»

Это прощальное письмо девочки, покончившей с собой, напечатала лондонская «Таймс». Письмо обнаружили родители в комнате дочери после ее смерти.

В письме Лора написала о мучениях, которые она испытывала, отправляясь в школу и зная, что там ее будут унижать. Мальчики ставили ей подножки, девочки били и изводили насмешками. Школьные задиры заставляли ее чувствовать себя «безобразной и никому не нужной»; она была так одинока, что добивалась дружбы одной из своих мучительниц.

Было восемь утра, мой будильник прозвенел полчаса назад. Я ждала, когда мама поднимется по лестнице и придет. Я повернулась на другой бок. Я надеялась, что больше никогда не проснусь. Я каждый день подвозила одну девочку в школу, хотя она и била меня, неважно, зато не так одиноко.

Я ждала, когда придет мама. «Лора, мне надоело бегать вверх-вниз по лестнице, вставай». Я посмотрю на нее: «Мне плохо». — «Что опять не так?» — «Живот болит и тошнит». — «Пора вставать». Я встала, подошла к двери, взяла школьную форму. У меня был чудовищный размер, а я все ела и ела, мне было уже все равно. Я втиснулась в форму и спустилась вниз. Положила школьный завтрак в коробку и почувствовала, что сердце у меня забилося чаще, внутри была боль, но нет, этот день не был особенным, так было каждый день. Я смотрела на секундную стрелку часов, ненавидя каждое мгновение, села в машину. «Доброе утро, Мэри». — «Здрст». Это все, что мы произнесли по дороге, но она была со мной, иначе я бы не вылезла из машины.

Это продолжалось несколько недель, я была толстой, безобразной, никому не нужной. Понедельник, бр-р-р. Понедельник: технология (неплохо), математика (надеюсь, я не опоздаю), английский (могло быть и хуже). Ну вот, мы у школы, люди смотрят, как эта туша выбирается из машины. Это я. «Пока, папа, до вечера». Я не хотела вылезать из машины, мне хотелось умереть. Я подошла к двери, прошла по коридору, у лестницы стояли мальчишки, они хотели поставить мне подножки, как мило. Мне удалось пройти, не превратившись в посмешище. Я чувствовала, как трясется мой жир, когда я входила в зал. Как я его ненавидела! Я привыкла мысленно разговаривать сама с собой, это единственное, что давало мне возможность жить.

Вот Лея. «А правда, что ты лесбиянка?» Я не знала, что ответить, я ничего не сказала и ушла.

Почему они это делали? Почему со мной? Потому что я толстая.

Это длится уже полгода, каждый день одно и то же.

Я видела, как мальчишки смеются над тем, что я толстая и, может быть, «лесбиянка». Мне хотелось плакать, но нельзя, я плакала в пятницу, нельзя.

Наконец-то! Идет миссис Стивенс. «Доброе утро, хорошо провели выходные?» Мне хотелось сказать: «Да, прекрасно, я все время проплакала, а вы?» Но всем все равно, тогда какой смысл? Да, я говорила родителям, они решили, что я просто не люблю ходить в школу, вы слышали что-нибудь подобное? Ха-ха-ха. Отлично, начнем с того, что никто мне не верит, а я-то надеялась, что они скажут, что им надоело, когда становилась все толще и толще, все печальнее и печальнее. Все относились ко мне хуже и хуже. Так, математика, я шла мимо людей, стараясь не обращать вни-

После похорон Лоры родители предали ее письмо гласности в надежде, что это спасет других детей, оказавшихся в схожей ситуации. «Мы хотим, чтобы люди поняли, насколько несчастными, униженными и беспомощными чувствуют себя дети, которых обижают...»

мания на обидные слова. «О боже, посмотрите на ее габариты!», «Да уж. А еще я знаю, что она лесбиянка», «Надо же». Я слышала это каждое утро, каждую перемену, каждый день после уроков, к этому привыкаешь. Я села за парту, достала учебники, все смотрели на меня, я чувствовала себя ничтожеством.

«Что ж, продолжим». Ее голос ускользал от моего внимания, меня не интересовали цифры, грамматика, сколько в тебе капель кислоты, меня волновала только эта щемящая боль. Я достала учебник, работала, думала одновременно о работе и о своей тетушке Розмари, очень хорошей. Ей только что сказали, что у нее рак легких, по сравнению с этим мои обиды ничто, но они были, были.

Секунды казались веками, многие ждали перемены, а я их ненавидела. «Хорошо. Если вы закончили, до следующего урока». Мне повезло, я закончила. Английский, в другом конце школы, я побежала по лестнице, стараясь не упасть, не обращая внимания на то, что говорили. Ну вот. «Пустой урок, все в зал».

Отлично, 50 минут издевательств, какой сюрприз. Я села и стала рисовать цветы, некрасивые, мертвые цветы, никому не нужные, дерьмо, которое выбрасывают, именно такой я себя и чувствую.

Перемена, зал заполняется людьми. Бегают, толкаются. «С дороги, толстуха!» Я подвинулась, мне хотелось закрыть глаза, чтобы все это исчезло.

Слава богу, осталось десять минут, не думаю, что выдержу долго, нужна новая болезнь, живот болел на прошлой неделе, надо было придумать что-то новое.

Они мне все равно не верили, не верили, что я больна. Ха-ха-ха.

Я стояла, вцепившись в сумку, как будто выпустить ее из рук означало потерять гордость, потерять все, что у меня осталось. Я не была слишком гордой, чтобы не просить о помощи, я просила, но они не обращали внимания.

Третий урок, технология, кулинария, фруктовый салат. Я бежала вверх по лестнице, на этот раз мне кричали: «Грёбаная жирдяйка!» — не так уж плохо, вошла в класс, она сказала нам, что делать, накинулась на меня за то, что принесла персик. Я сказала: «Это то, что нашлось у нас дома». Прошел еще один урок.

Наконец-то! Домой. Я бежала по дороге, сдерживая слезы. «Как дела в школе?» — «Отлично». Какой смысл говорить что-то другое? Они не слушали.

«Я в ванную». Я не пошла в ванную, я пошла в чулан, взяла ножницы, я знала, что делаю, может быть, это покажет им, что они делают. Я провела лезвиями по запястьям несколько раз, потом еще несколько раз, посильнее. Мне было хорошо. Больно, но я нажимала все сильнее, появилась рана, глубокая красная рана, что мне делать?..

(Inopressa.ru)